

РАБИНДРАНАТ ТАГОР
ГИТАНДЖАЛИ

«Гитанджали» — наиболее известное произведение индийского писателя, поэта, композитора и художника Рабиндраната Тагора (бенг. রবীন্দ্রনাথ ঠাকুর, Робиндронатх Тхакур, 1861–1941).

Дословный перевод «гитанджали» — жертвенные песнопения. Это стихи о круговороте жизни в природе, божественном начале и человеческой мудрости на земле.

Другими значительными произведениями автора являются сборники «Гора», а также «Дом и мир», где на примере бытовых образов Тагор строит созерцательную философскую концепцию.

Рабиндранат Тагор известен как борец за независимость Индии, духовный лидер и «восточный пророк», как называли его на Западе.

Рабиндранат Тагор

Гитанджали

Жертвенные песнопения

1

— Узник, поведай мне, кто вверг тебя в оковы?

— Мой повелитель, — сказал узник. — Я думал, что превзойду всех в мире богатством и могуществом, и за— таил в своей сокровищнице всю казну моего повелителя. Когда сон одолел меня, я лег на ложе, уготованное моему господину, и, пробудясь, увидел, что я узник своей собственной сокровищницы.

— Узник, поведай мне, кто сковал эту несокрушимую цепь?

— Я сам, — ответил узник, — я сам сковал ее так заботливо.

Я думал, что моя непобедимая мощь покорит весь мир, а я один буду свободен. И денно и ночью работал я над цепью, раскалял ее в пламени и осыпал жестокими, тяжкими ударами. Когда же, наконец, работа была кончена и звенья были связаны несокрушимо, я увидел, что она сдавила меня самого.

2

Ты создал меня бесконечным, такова твоя воля. Этот бранный сосуд ты опустошаешь непрестанно и опять наполняешь новой жизнью.

Эту маленькую свирель из тростника ты носил по холмам и долинам и играл на ней мелодии вечно новые.

От бессмертного прикосновения твоих рук мое слабое сердце переполняется радостью и рождает слово неизреченное.

Твои несметные дары нисходят только на эти маленькие, маленькие руки. Века проходят, но ты все изливаешь их, и все еще есть для них место.

3

Когда ты повелеваешь мне петь, мнится, что сердце мое разорвется от гордости; я гляжу на лицо твое, и слезы выступают на глазах у меня.

Все горести и тревоги моей жизни претворяются в сладкую гармонию — и дух мой развертывает крылья, подобно радостной птице над морем.

Я знаю, что песнь моя угодна тебе. Я знаю, что могу предстать пред тобою только с песнью.

Я касаюсь краем широко раскинутого крыла моей песни стопы твоей, которой никогда не

дерзнул бы достигнуть.

Опьяненный радостью песнопения, я забываюсь и называю тебя другом, тебя, моего господ.

4

Я не знаю, как поешь ты, наставник! Я слушаю в безмолвном изумлении.

Свет твоей песни озаряет мир. Дыхание твоей песни льется по небесам. Священный поток твоей песни разрушает все преграды и несется вперед.

Мое сердце жаждет соединиться с твоей песнью, но тщетны усилия моего голоса. Я жажду слова, но слово не претворяется в песню

— и я вскрикиваю в отчаянье. Ах, ты опутал мое сердце бесконечными сетями твоей песни, наставник!

5

Жизнь моей жизни! Я всегда буду пытаться сохранять в чистоте свое тело, зная, что на всех членах моих — твое живительное прикосновение.

Я всегда буду пытаться охранять помыслы мои от неправды, зная, что ты та правда, свет которой зажжен во мне.

Я всегда буду пытаться изгонять все злое из

моего сердца и питать в нем любовь, зная, что ты пребываешь в сокровеннейшем ковчеге его.

И целью моей будет — проявить тебя в каждом деянии, ибо я знаю, что ты подкрепишь меня.

6

Дозволь мне на единый миг присесть возле тебя. Свой труд я окончу после.

Когда я лишен созерцания лица твоего, мое слабое сердце не знает ни покоя, ни отдыха и мой труд становится нескончаемой мукой в безбрежном море мук.

Нынче лето принесло в окно ко мне свои вздохи и шорохи, и пчелы поют в цветущих рощах.

Настал час сесть спокойно, лицом к лицу с тобой и петь хвалы жизни среди этого молчания и переизбытка досуга.

7

Желания мои многи и крик мой жалобен, но ты всегда спасал меня суровым отказом; и этой мощной милостью проникнута вся моя жизнь.

Изо дня в день ты делаешь меня все достойнее тех простых, великих и непрощенных даров, кон ты ниспосылаешь мне, — этих небес, этого тела, и

жизни, и разума, ограждая меня от напасти чрезмерных желаний.

Есть часы, когда я бессильно томлюсь, есть часы, когда я пробуждаюсь и спешу к своей цели; но ты неумолимо бежишь от меня.

Изо дня в день ты делаешь все достойное полного приятия тебя, отказывая мне ежечасно и ограждая от напасти слабых, неверных желаний.

8

Сорви этот цветочек и возьми его — не медли. Я боюсь, что он завянет и смешается с прахом.

Пусть ему нет места в твоём венке, но удостой его испытать муку от прикосновения твоей руки и сорви его! Я боюсь, что не замечу, как кончится день и пройдет время жертвоприношения.

Хотя он не ярок и аромат его слаб, сорви его, пока не поздно, и возложи вместе с другими.

9

Моя песнь сбросила с себя украшения. На ней нет нарядов и убранства. Они омрачили бы наш союз. Они мешали бы нам, они заглушили бы твой шепот.

Тщеславие поэта со стыдом рассеивается перед тобою. О поэт-наставник, я сажусь у ног

твоих. Пусть моя жизнь будет проста и правдива, как свирель из тростника, которую ты наполняешь звуками.

10

Ребенка в княжеских одеждах и драгоценных ожерельях уже не радуют игры; одежды сковывают каждый шаг его.

Боясь разорвать или запачкать их, он сторонится от мира и боится шевельнуться.

Мать, не во благо ему твои золотые узы, если они отторгают от здорового праха земли, если они лишают его общения с великой красотой человеческой жизни.

11

О глупец, ты стараешься нести самого себя на своих плечах! Ты молишь о милостыне у своих собственных дверей!

Оставь бремя твое на руках того, кто в силах все поднять, кому иго его — благо.

Твое желание сразу тушит пламя светильника, которого оно касается своим дыханием. Оно нечестиво — из рук нечестивых не приемлют даров.

12

Вот подножие твое — стопы твои покоятся среди самых бедных, самых сирых, самых обездоленных.

Когда я хочу преклониться пред тобой, я не могу достигнуть глубины, где покоятся стопы твои среди самых бедных, самых сирых, самых обездоленных.

Гордости нет доступа туда, где ты ходишь в смиренных одеждах среди самых бедных, самых сирых, самых обездоленных.

Сердцу моему нет пути туда, где ты пребываешь среди бедных, самых сирых, самых обездоленных.

13

Я был призван на этот мировой пир, и жизнь моя была благословенна. Мои глаза видели, и уши мои слышали.

На мою долю пало играть на этом пиру, и я сделал все, что мог.

Теперь я вопрошаю: настал ли, наконец, тот час, когда я могу войти и видеть твой лик и принести тебе в жертву мое безмолвное приветствие?

14

Не пой, не славословь, не перебирай четок!
Кому поклоняешься ты в этом уединенном темном
углу храма, двери которого закрыты?

Открой глаза — и ты узришь, что твоего бога
нет перед тобой!

Он там, где пахарь взрывает жесткую землю и
каменщик дробит камень. Он с ними под зноем и
ливнем, и одежды его пыльны. Сбрось твой
священный плащ, и, подобно ему, иди к ним.

Освобождение? Но где обрести его? Наш
господь с радостью принял на себя узы творения;
он навеки связан с ними.

Выйдя из своего созерцания, оставь цветы и
куренья! Что нужды, если одежды твои превратятся
в рубище! Иди навстречу ему и трудись с ним в
поте лица твоего.

15

Странствование мое долго, и путь мой долог.
Я сел в колесницу рассвета и устремил свой путь по
пустыням миров, оставляя следы на планетах и
звездах.

Это самый далекий, но и самый близкий к
себе самому путь, самый запутанный, но ведущий к
совершеннейшей простоте песни.

Путник должен стучать в каждую чужую дверь, дабы найти свою, должен странствовать по всем мирам, чтобы в конце концов достигнуть сокровеннейшего алтаря.

Взор мой блуждал беспредельно — и вот я закрыл глаза и сказал: «Ты здесь!»

Вопрос и вопль: «О, где же?» — разливаются реками слез, и воды их затопляют мир верой: «Я емь!»

16

Песнь, с которой я пришел к тебе, осталась не спетой до сего дня.

Я проводил дни мои в том, что настраивал и перестраивал мою лютню.

Ритм ускользал от меня, слова не располагались так, как надо; только рывалось сердце от неутолимой жажды.

Цветок не раскрывался; только со вздохом проносился ветер.

Я не видал его лица, не уловил его голоса; только слышал тихие шаги по дороге перед моим домом.

Долгий день прошел в приготовлении ему места; но светильник не был зажжен, и я не мог принять его в моем доме.

Я живу надеждой на встречу с ним; но этой

встречи все нет и нет.

17

Я здесь, дабы петь тебе. В твоих чертогах у меня есть угол.

В твоём мире для меня нет работы; моя бесполезная жизнь может вылиться в одних только бесцельных звуках.

Когда настанет час для безмолвного служения тебе в темном полуночном храме, о, повели мне, владыка мой, предстать перед тобой с песнопением!

Когда в утреннем воздухе звучит золотая арфа, удостой меня призывом твоим.

18

Я жду только твоего соизволения, чтобы предать себя, наконец, в его руки. Вот почему виновен я в стольких упущениях.

Приходят с законами и правилами, чтобы связать меня крепко; но я все бегу их, ибо жду только соизволения, чтобы предать себя, наконец, в его руки.

Люди осуждают меня и называют безучастным; я не сомневаюсь, что они правы в своих осуждениях.

Базарный день окончен, и работающий

свободен. Те, кто тщетно звали меня, удалились в гнев. Я жду только соизволения, чтобы предать себя, наконец, в его руки.

19

Увы! В день, когда цвел лотос, мои мысли блуждали где-то далеко, и я не знал о том.

Моя корзина осталась пуста, и цветок остался незамеченным.

Лишь иногда грусть охватывала меня, и я пробуждался от моей дремы и чувствовал сладкий след какого-то благоухания в южном ветре.

Эта едва уловимая сладость томила мое сердце желаниями, и мне казалось, что это было жаркое дыхание лета, ищущего себе воплощения.

Я не знал тогда, что оно было так близко, что было во мне, и что эта совершенная сладость расцвела в глубине моего собственного сердца.

20

В глубоком сумраке дождливого июля неслышными шагами бродишь ты, безмолвный, как ночь, от всех скрываясь.

Сегодня утро сомкнуло очи, безучастное к настойчивым зовам бурного восточного ветра, и густой покров окутал вечно сияющее лазурное

небо.

Песни лесов смолкли, и двери домов закрыты. Ты одинокий путник в этой пустынной улице. О мой единственный друг, о мой возлюбленный, врата открыты в моем доме — не пройди мимо, точно сновидение.

21

Если ты безмолвствуешь, я наполню свое сердце твоим молчанием и отдамся ему. Я буду соблюдать тишину, подобно звездной ночи, не смыкающей своих очей и со смирением склоняющей главу.

Утро настанет неминуемо, мрак исчезнет, и твой голос польется с небес золотыми потоками.

И слова твои зазвучат песнями из каждого гнезда моих птиц, и твои мелодии расцветут цветами в моих лесных кущах.

22

Я должен сойти в лодку. Увы, томительно часы тянутся на берегу!

Весна расцвела и сокрылась. И вот с ношей увядших ненужных цветов я жду и томлюсь.

Волны стали шумны, и на тенистую тропу, порхая, падают желтые листья.

Какая пустота! Не чувствуешь ли ты трепетания в воздухе, отзвука далекой песни, доносящейся с того берега?

23

Облака громоздятся, и свет меркнет. Увы, любовь моя, зачем ты заставляешь ждать у двери в одиночестве?

Среди полуденных трудов я пребываю в толпе, но в этот пасмурный, тихий час я принадлежу только тебе.

Если ты не откроешь мне своего лица, если ты отвергнешь меня, я не знаю, как проведу я эти долгие дождливые часы.

Я смотрю на далекий мрак неба, и, плача, сердце блуждает с беспокойным ветром.

24

Ты не дома в эту бурную ночь, на стезе любви, друг мой!

Небеса стонут как бы в отчаянии.

Я не могу спать в эту ночь. Не раз открывал я дверь и глядел в темноту, друг мой!

Ничего не видно впереди. Где-то пролегает твой путь?

По сумрачному ли берегу чернильно-черной

реки, по отдаленной ли опушке хмурого леса
спешишь ты ко мне в неверном мраке, друг мой?

25

Если день гаснет, если не поют птицы, если
стих усталый ветер, окутай меня покрывалом
густой тьмы, как окутал ты землю покрывалом сна
и нежно закрыл лепестки поникшего лотоса в
сумраке.

С путника, чья сума пуста задолго до конца
странствования, чья одежда в лохмотьях и
отягощена пылью, чьи силы ослабели, сними позор
и бедность и обнови, как цветок под сенью твоей
кроткой ночи.

26

Свету! Свету! Зажги его жарким пламенем
желания!

Светильник не мерцающий — таков твой
жребий, сердце! Ах, смерть — лучший удел твой!

Бедствие стучит в твою дверь и вещает, что
твой господь бодрствует и зовет тебя на любовное
свидание во мраке ночи.

Небо в тучах и дождь непрерывный. Я не
знаю, что так волнует меня, — я не знаю, что со
мною.

Вспыхнувшая на мгновение молния сгущает мрак еще более, и мое сердце бредет ощупью по той тропе, которой ведет меня музыка ночи.

Свету! Свету! Зажги его жарким пламенем желания!

Гром гремит, и бушует ветер. Ночь черна, как уголь. Рассей мрак! Зажги светоч любви своей жизнью!

27

Всеми мерами стараются удержать меня в своих руках те, что любят меня в этом мире. Но не такова твоя любовь — она сильнее их любви, но оставляет мне свободу.

Чтобы я не забывал о них, они никогда не покидают меня.

Проходит день за днем, а ты все пребываешь незримым.

Хотя я не называю тебя в молитвах, хотя я не ношу тебя в своем сердце, твоя любовь ко мне ждет моей любви.

28

Он пришел и сел рядом со мной, но я не проснулась. О, горе!

Какой ужасный сон приснился мне!

Он пришел в тишине ночи; в руках он держал арфу, и мои сны звучат ее мелодиями.

Увы, мои ночи так бесплодны! Ах, зачем не вижу я того, чье дыхание касается меня во сне?

29

Я вышел один на свидание. Но кто это следует за мной в безмолвном мраке ночи?

Я сворачиваю в сторону, чтобы избежать его; но тщетно.

Он поднимает пыль своей стопой; он присоединяет свой громкий голос ко всякому слову, произносимому мною.

Это мое маленькое «я», мой властитель, не знающий стыда. Но мне стыдно подойти к твоей двери в его сообществе.

30

В ночь усталости да усну я безмятежно, уповая во всем на тебя.

Не принуждай мои ослабевший дух к скудному служению тебе.

Это ты набрасываешь покрывало ночи на усталые глаза дня, дабы оживить его взор новой радостью при пробуждении.

31

Тяжки узы, но сердце страдает, когда я пытаюсь разорвать их.

Свобода — вот все, чего я хочу, но стыд — надеяться на нее.

Я знаю, что бесценные сокровища таятся в тебе и что ты мой лучший друг, но у меня не хватает сил вымести сор, что наполняет мой дом.

Одежда, облекающая меня, — прах и смерть. Но, сгорая ненавистью к ней, я все же ношу ее с любовью.

Мои прегрешения безмерны, пороки велики, мой стыд сокровенен и тяжел; но когда я прибегаю к тебе, ища своего спасения, я дрожу от страха, что моя мольба исполнится.

32

Тот, кого я облекаю моим именем, плачет в этой темнице.

Я вечно воздвигаю стены ее; и по мере того как она день за днем высится в небо, скрывается истинное существо мое.

Я горд высотой этой стены и замазываю песком и глиной малейшую скважину в ней — и теряю из виду истинное существо мое.

33

Когда настало утро, они пришли в мой дом и сказали: «Мы займем только маленький уголок у тебя». Они сказали: «Мы поможем тебе служить твоему богу и смиренно примем самую малую часть его милости». И сели и сидели спокойно и смиренно.

Но во мраке ночи, сильные и мятежные, они ворвались в мое святилище и с нечестивой алчностью завладели жертвой на алтаре господнем.

34

Пусть останется от меня самое малое, чтобы я мог сказать: ты

— все.

Пусть останется самое малое от моей воли, чтобы я мог чувствовать тебя всюду и прибегать к тебе со всеми нуждами и предлагать мою любовь ежечасно.

Пусть останется от меня самое малое, чтобы я никогда не мог скрывать тебя.

Пусть останется самое малое от моих уз, чтобы я был связан с твоей волей узами твоей любви.

35

Где мысль бесстрашна и чело гордо поднято;
Где знание свободно; Где мир не разбит на клетки
перегородками; Где слова исходят из глубин
истины; Где неустанное стремление простирает
руки к совершенству; Где светлый поток разума не
блуждает в бесплодной и мертвой пустыне песков;
Где разум направлен к высоким помыслам и
деяниям, — В этих небесах свободы, отец мой, да
пробудится страна моя!

36

Ночь почти прошла в тщетном ожидании его.
Я боюсь, что он внезапно придет утром к моим
дверям, когда я усну от изнеможения. О подруги,
откройте ему двери, не мешайте ему войти.

Если звук его шагов не разбудит меня, не
будите меня и вы, прошу вас. Я не хочу, чтобы меня
разбудил звучный хор птиц или бурный ветер на
празднике утреннего солнца. Дайте мне спать
безмятежно, даже если господин мой придет
внезапно к моей двери.

О, мой сон, драгоценный сон, ждущий только
его прикосновения, чтобы исчезнуть! О, мои
сомкнутые вежды, что раскроются только при свете
его улыбки, когда он предстанет передо мною, как